

Матушка сказала: «Я совсем забыла». Снова вышла наружу. Ванъэр, бывшая сбоку, теперь оказалась ближе к матушке и помогла ей подняться в паланкин, заодно поддерживая и меня. Вспомнив, как она выручила меня в прошлый раз, я взяла её за руку и с улыбкой спросила: «Сегодня у Шэн-гэ я тоже видела новый танец, поставленный на старое произведение матушки, называется «Госпожа Жуи». Наставник Шангуань, вы его видели?»

Ванъэр, увлечённая моим движением, невольно пристроилась рядом с паланкином и, шагая рядом, ответила: «Не видела. Я лишь служу принцессе в обучении и недостойна звания «наставника».

Я отпустила её руку и заметила: «Танец прекрасный, тебе непременно стоит его увидеть.»

Матушка повернула голову к Ванъэр: «Раз уж Сыцзы нравится, ступай сначала к сцене «Ста игр» и передай, чтобы подготовили этот танец.»

Ванъэр кивнула в знак согласия и поспешила вперёд. Как только она ушла, Туанъэр приблизилась сбоку и вплотную пристроилась к паланкину, чтобы служить.

Матушка, заметив, что я постоянно оглядываюсь на Туанъэр, снова распорядилась: «Туанъэр, сходи к Шаншань, проверь. Совершенноумудрый только что оправился от болезни, есть запретные продукты, скажи, чтобы не подавали.»

Туанъэр тоже была отослана. Остальные, не столь приближённые, не осмелились подойти ближе, и вокруг нас остались лишь четверо слуг, несущих паланкин. Я повернулась к матушке, и она улыбнулась мне: «У тебя есть А-Ян, А-Сун и А-Вэй, а у меня — Ванъэр, Туанъэр и А-Цин.»

Мне не хотелось сравнивать Вэй Хуань с А-Ян и Сун Фою, и я лишь скромно ответила: «Как им сравниться с помощницами матушки?»

Матушка поняла мою мысль, но нарочно сказала: «Верно. У меня здесь три служанки из дворца Етин, как им тягаться с младшей четвёртой дочерью семьи Вэй, которая славится на всю столицу и общается с принцессой на равных?»

Я изменилась в лице и воскликнула: «Матушка!» Матушка, только что улыбавшаяся, вдруг стала серьёзной, бросив на меня взгляд: «Не защищай её. Скажи мне, в прошлый раз, когда ты была в доме Вэй Сюаньчжэня и начальник Чанъаня явился арестовать слуг, вышедших из дворца без дозволения, как ты ушла?»

Я возразила: «Через калитку.»

Матушка сказала: «Я послала людей осмотреть его дом. Калитка там всегда заперта, и комната Вэй Хуань с ней не сообщается.»

Я ответила: «В тот раз она случайно не была заперта.»

Матушка усмехнулась: «Да? И она тогда надулась, показывая тебе вид, — это тоже случайно?»

Я задумалась и поняла, что матушка говорит о случае в горячем источнике. Смущённо я проговорила: «Тогда... это действительно была моя вина.»

Матушка резко взглянула на меня и строго произнесла: «Ты — принцесса. Она — лишь побочная дочь из боковой ветви знатного рода, служанка, потомство наложниц. Ты позволила ей купаться с тобой — это уже величайшая милость. Какое право она имеет строить тебе

гримасы?» Голос её был так громок, что слуги, несшие паланкин, замедлили шаг. Матушка крикнула: «Идите!» Они вновь зашагали быстрее. Я, побледнев, взяла матушку за руку: «Матушка, всё это не имеет отношения к А-Хуань. Это моя вина, я больше так не буду». Увидев необычайную суровость на её лице, я с дрожью в голосе спросила: «Матушка, неужели та, кто украла вещи... это А-Хуань?»

Матушка посмотрела на меня с укором и сказала: «А как ты думаешь?»

Я была в полной растерянности и залепетала: «Может, ошиблись... Люди из Етина всегда выдумывают и запутывают. Матушка, проверь ещё раз... нет, я сама проверю! Я дарила ей много вещей, просто не записывала в реестр...»

Матушка резко подняла руку. Я подумала, что она сейчас ударит меня, и уже приготовилась уклониться, но в следующее мгновение выпрямилась, надеясь, что если матушка выместит гнев на мне, то Вэй Хуань достанется меньше. Однако матушка лишь хлопнула по подушке рядом с собой и гневно воскликнула: «Не она!»

Я всё ещё хотела просить за неё, но вдруг осенило, и я растерянно спросила: «Значит, всё-таки А-Ян?» Как только дело перестало касаться Вэй Хуань, ум мой прояснился, и я мгновенно поняла суть происходящего. Как я и говорила матушке, единственной, кто мог совершить такое, будучи в моём близком окружении, была А-Ян. Но если она украла, почему же матушка так гневается на Вэй Хуань? Ах, да... А-Ян сейчас в столице, и даже если начальник Етина ждал решения матушки, он не стал бы отправлять донесение по такому пустячному делу. Значит, кто-то приложил руку, чтобы эта весть дошла сюда. А из тех, кто в моём окружении не ладил с А-Ян, оставались лишь Сун Фою и Вэй Хуань. Сун Фою прочно стояла на своём месте и была слишком прямолинейна, чтобы затевать такие интриги. Зато Вэй Хуань с её шатким положением могла бы извлечь выгоду, устранив А-Ян и став моей самой доверенной служанкой.

Матушка гневалась, во-первых, на то, что Вэй Хуань осмелилась втянуть в свои расчёты даже её, а во-вторых, — и это, пожалуй, главное, — на мою неспособность контролировать своих людей, на то, что я позволяю ими помыкать, теряя достоинство императорской семьи. В конце концов, матушка — урожденная танская аристократка, знатная госпожа из гуаньлунской семьи, с детства привыкшая повелевать слугами и рабами. Домашние слуги и частные солдаты для неё были чем-то вроде имущества, по закону даже не считались «людьми». Как она могла знать, что её номинальная дочь на самом деле из мира, где все равны перед законом и нет разделения на господ и рабов? Как могла знать, что эта дочь вовсе не желает видеть в тех, кого она считает презренными отпрысками наложниц, — слуг, холопов или подчинённых?

Ваньэр не ожидала, что так скоро встретится с императрицей У.

Перед поступлением во Внутреннюю школу матушка наказала ей всячески скрывать свои способности и ни в коем случае не выставлять их напоказ. Тогда Ваньэр ещё наивно думала: она же никогда не училась в школе, разве не должна бояться, что её затмят другие и она станет посмешищем? Почему же матушка, напротив, велела ей не выделяться?

Но едва Ваньэр приступила к занятиям и услышала, что говорит наставник, она поняла, почему матушка так настаивала. То, чему учили во Внутренней школе, было до смешного просто. Книги, которые Ваньэр заучивала наизусть с трёх-четырёх лет, здесь считались высочайшей мудростью. Наставник заставлял учениц без конца повторять тексты, но многие так и не могли их запомнить и подвергались наказаниям. То, что Ваньэр улавливала в пять-шесть лет, здесь разжёвывали снова и снова, но некоторые всё равно не понимали. Матушка

была не сильна в математике, и Ваньэр тоже не блистала, но здесь многие счисляли ещё хуже. В десять лет Ваньэр уже начала осваивать каллиграфию «летающий белый», а здесь половина учениц едва могла удерживать кисть подолгу...

Ваньэр следовала наказу матери и изо всех сил старалась не выделяться. Но как ни старайся, нельзя сравняться с теми, кто и иероглифов-то не знает. Не прошло и нескольких дней, как наставники обратили на неё внимание и рекомендовали императрице У.

Когда указ о включении Ваньэр в число кандидаток на службу при дворе дошёл до их жилища, матушка, обычно любившая посплетничать о знатных особах за их спиной, побледнела от страха. Когда-то бывшая госпожой знатного дома, она полностью утратила аристократическое достоинство, обняла Ваньэр и зарыдала. В конце концов Ваньэр сама отстранила её и спокойно сказала: «Матушка, если бы Её Величество хотела меня убить, она сделала бы это давно. Зачем тогда было оставлять меня до сих пор, да ещё и с таким трудом помещать во Внутреннюю школу?»

Передавший указ евнух с улыбкой взглянул на неё и сказал матери: «Молодая госпожа — человек с будущим, госпожа Чжэн, не тревожьтесь.»

Услышав его тон, Ваньэр ещё больше успокоилась. Немного ободлив матушку, она с достоинством отправилась на аудиенцию. Хотя, если быть честной, в душе она всё же слегка трепетала. Всё-таки она носила ту фамилию, и, несмотря на все усилия матери скрыть это, многие во дворце знали. А вдруг кто-то проболтается императрице? Ваньэр сжала губы, отгоняя эти мысли: служанок в Етине были десятки тысяч, и императрица, правившая из-за занавеса, вряд ли вспомнила бы о ней, даже если бы кто-то специально упомянул. К чему же тогда напрасно терзаться?

С такими мыслями Ваньэр дошла до чертога Цзычэнь. Ожидая приёма, она увидела приготовленный паланкин и свиту. Не успела она понять, в чём дело, как императрица У медленно вышла из покоев и поднялась в паланкин.

Когда Ваньэр впервые видела императрицу У, та была в полном парадном облачении, что делало её величавой и блистательной. С тех пор императрица в её сознании всегда оставалась существом грозным и недостижимым. Но на сей раз императрица была одета в слегка поношенную гранатовую юбку с такой же короткой курткой, на одежде в малозаметных местах красовались заплатки. Если приглядеться, можно было заметить и сколы на углах императорского паланкина — всё это совсем не вязалось с ослепительным блеском императорской роскоши.

<http://bllate.org/book/16278/1466180>